

Травда, 1987.-23 февр.7.

В. ГУБАРЕВ:

Люди должны сознавать, что тот, кто может первым нажать кнопку, о которой здесь уже говорилось, кто еще как будто не совершил преступления, по сути — преступник. Иные критерии к людям предъявляет атомный век! Сегодня создание системы СОИ — это преступление, потому что оно угрожает человечеству уничтожением. Сегодня новая нравственность заключается и в том, чтобы выявлять тех, кто готовится совершить преступление.

В. ГУБАРЕВ:

Я был в Чернобыле в первые дни после аварии. Что меня там больше всего поразило? Цвели сады, буйствовала зелень, неисто-

во пели соловьи. И ни одного человека. Пустые поля, пустые сады. Понимаешь, что в этой красоте таится нечто очень опасное. Две недели назад я пережил там же то же ощущение. Засыпанные белейшим снегом деревни — и ни одной тропинки в этом снегу, ни одного дымка над домами. Как передать это ощущение людям? Как передать им свою боль, свою озабоченность? В пьесе «Саркофаг» я пытался это сделать.

Роль писателя заключается и в том, чтобы передавать людям тревогу за состояние дел в мире, в котором они живут. Думаю, что задача писателя сегодня — показать, насколько опасен мир, в котором так много ядерного оружия. Чернобыль — это крошечная модель того, что может произойти, если энергия атома выходит из-под контроля.

Есть знания и есть невежество. Есть разум и есть безумие. Глубоко убежден: если люди будут больше знать об атомной энергии, о ее положительных сторонах и таящихся в ней опасностях, они активнее будут выступать против ядерных маньяков, которых П. Устинов очень точно назвал преступниками. В наше время голос писателей должен звучать набатом, призывом к борьбе против ядерного безумия.